

К. К. Вагинов

СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ АЛЬБОМА, ПОДАРЕННОГО К. М. МАНЬКОВСКОМУ

Публикация С. А. Кибальника

Альбом миниатюрного формата (Р. 1. Оп. 4. Ед. хр.235, всего 132 листа) включает в себя автографы 94 неизвестных стихотворений К. К. Вагинова, относящихся к 1917 году. Это наиболее ранние из известных нам стихотворений поэта. На них лежит определенная печать ученичества. И в то же время очевидно, что стихи знаменуют начало большого, подлинно самобытного поэта. «Центральные темы вагиновского творчества, — справедливо пишет Т. Л. Никольская, — судьба культуры в современном мире, Петербург как хранитель европейской культуры, гибель античных богов — уже намечены в юношеских стихах»¹.

Альбом содержит беловые автографы стихотворений, а также целый ряд карандашных рисунков, выполненных самим Вагиновым. Титульный лист с надписью: «К. Вагинов 1917 г.» художественно оформлен самим поэтом. Позднее альбом был подарен брату по «Аббатству гаеров», молодому поэту Константину Максимовичу Маньковскому. Об этом свидетельствует другая надпись, также помещенная на титульном листе: «Дорогому Константину Максимовичу Маньковскому для будущих <1917> вечеров, когда захочется общих воспоминаний. 1/XI.21 г. Вагинов». В Пушкинский Дом альбом был передан вдовой К. М. Маньковского.

¹ *Никольская Т. Л.* К. К. Вагинов (Жанва биографии и творчества) // Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 68.

Лишь в некоторых стихотворениях имеется незначительная правка. Одна пьеса — «Меланхолия» — переписана дважды с некоторыми вариантами (во втором случае — без заглавия — л. 9 и 29). На л. 8, 21, 24, 30, 34, 37, 40 об., 41, 43, 47, 125 об.— 130 об. помещены рисунки простым и цветными карандашами. На л. 70 об., 130 об., 131 об. и 132 — пометы бытового характера (адрес, номер телефона и др.).

По всей видимости, стихотворения вписывались в хронологическом порядке. Если это действительно так, то происходило это скорее всего в период с весны 1917 по зиму 1917—1918 года: открывается альбом стихотворением «Весенняя элегия», а в одном из последних стихотворений («О, Петроград, ты бледен и задумчив, как Пьеро») «печально смотрят дворцы с разбитым стеклом /И дверями, что снегом заколотило». Таким образом, эти стихотворения представляют не только чисто художественный интерес, но и являются поэтическим документом отношения поэта к крупнейшим историческим поворотам 1917 года.

Художественный мир начинающего поэта включает в себя прежде всего образ города. Петербург ранних стихотворений Вагинова — это город-сон, город-мираж («На улицах столицы белесоватый туман...»). Больше того, этот город изображается поэтом как мертвый («Луна встает из-за крыш...»). Смерть города входит в картину смерти всего старого мира, быть может, уже исчерпавшего отпущенные ему годы («Кошмар №1»). Только под действием наркотиков в сознании героя возникает образ бывшего Петербурга, города-парадиза («Кокаинист»). Констатируя смерть Петербурга или предвещая ее, автор, тем не менее, верит в своего рода вечное возрождение города («И будет день, и Петроград погибнет...»). Здесь уже ощущается характерный вообще для раннего Вагинова взгляд на революцию как на явление, аналогичное крушению Римской империи, после которого снова начинается новая жизнь. Взгляд этот во многом шел от любимого вагиновского чтения — Э. Гиббона и предвосхищал отчасти первоначальное восприятие революции Блоком. Иронизируя впоследствии над своей былой убежденностью, Вагинов напишет в романе «Козлиная песьня» о «неизвестном поэте»: «Говорил о К. К. Леонтьеве и хихикал над своим собратом. Ведь для неизвестного поэта что гибель? — ровным счетом плюнуть, все снова повторится, круговорот-с». Надеждами на обновление мира, неприятием буржуазного мешанства объясняется некоторый эпатаж, присущий Вагинову в решении культурно-исторической темы и напоминающий некоторые декларации поэтов-символистов: «Нового! Ради Бога, нового! / Жгите старое, хотя бы и хорошее!». В то же время исторические потрясения 1917-го рассматриваются поэтом как трагический разрыв с западной цивилизацией: «О, Петроград, ты бледен и задумчив, как Пьеро—/ От тебя отвернулся Запад, твоя Коломбина...» — что предвосхищает позднейшую поэтическую декларацию Б. Лившица: «Окно в Европу! Проработав / Свой скудный век, ты заперто». Точное историческое соотнесение вышеприведенных художественных высказываний невозможно. Однако, если альбом и в самом деле заполнялся хронологически, то первое из них, расположенное в его середине (л. 75), возможно, сделано после февраля 1917-го, а второе, относящееся к концу (л. 105), — уже после октября.

По воспоминаниям Н. К. Чуковского и по собственным автобиографическим свидетельствам Вагинова в «Козлиной песьни» мы можем судить о том, что многое в альбоме стихотворений, подаренном К. М. Маньковскому, автобиографично. После тихого, комнатного детства юность поэта неожиданно оказалась бурной и уличной: наркомания, роман с проституткой. Впрочем, в художественном контексте анализируемого сборника эти автобиографические мотивы приобретают особый характер. «Кокаинист» и «опиофаг», «эротоман», безнадежно влюбленный в «колотку» (заглавия различных стихотворений сборника) — все это воспринимается как чудесная

экзотика, своего рода противовес жупелу «нудного и серого существования», уделу «обыкновенного, серенького человечка» («Меланхолия»), как явление, близкое к футуристическому эпатажу. Именно такое толкование бегства юного Вагинова «в улицы» дает, кстати, в своих воспоминаниях и Н. К. Чуковский².

В этом отношении, влияние футуристов соединялось с воздействием Ш. Бодлера, чье творчество, как сам поэт признавался в «Автобиографии»³ 1923 года, и побудило его взяться за перо. Вслед за автором «Цветов зла» Вагинов культивирует антиэстетизм. Как и для «проклятых поэтов», для него это — средство борьбы с добропорядочностью и ханжеством буржуа: «О, Бодлер! мой царственный любовник, / Умирающее дитя многих веков, / Ты не променяешь скрежет зубовой / На обыкновенную сладкую любовь...». Подобно Бодлеру, Вагинов выпускает в «белые туманы» Петербурга «зловещих призраков из своей груди», но только эти «призраки» выпускаются им уже в футуристические городские пейзажи: «Злобно смеялись трубы большого города, / Тихо хихикала крыша, / Злорадно скрипели подъезды» («Луна»). Помимо уже отмечавшихся мотивов и образов⁴, с этими традициями связана вообще поза бродяги и хулигана, «петроградского апаша» («Вдохновение»). Сравните, например, сентенцию В. Шершеневича в его «компилятивной интродукции» 1913 года «Футуризм без маски»: «Подобно полисману в кинема, массовое понимание ловит ловкого апаша-поэта, а тот убегает». Влияние футуризма особенно отчетливо ощущается во второй половине сборника. Наиболее явно оно сказалось в стихотворениях «Город» и «Городское утро», причем не только на уровне образов («город, как огромная каракатица», «сдвигались и раздвигались стены домов», «солнце» — «странный багровый идиот»), но и на уровне содержания (оппозиция урбанистической цивилизации и природы: «Сдвигались и раздвигались стены домов / И ощупывали каждого прохожего — Не несет ли освобождения из оков / Томящимся по зеленому подножию» — возможно, результат ориентации на Хлебникова. Характерно, что и большая часть автоиллюстраций Вагинова к альбому выполнена в манере кубофутуризма. Все это делает понятным, почему начало литературной деятельности поэта оказалось связано с эгофутуристическими организациями «Аббатство гаеров» и «„Кольцо поэтов“ имени К. М. Фофанова» (1921—1922 годы).

Черты призрачности, болезненности, мертвенности Петербурга, особенно подчеркиваемые в первой половине сборника, свидетельствуют, по-видимому, и об определенной актуальности для Вагинова традиций русского символизма. Поза духовного мертвеца позволяет говорить об осознанном декадентствовании начинающего поэта. В других стихотворениях ощущается стилизация под Фофанова, Вертинского (например, «Вы ароматили, как роза чайная»), Северянина. Налицо и определенный эклектизм раннего Вагинова, и напряженный характер его эстетических исканий.

В пору зрелости поэту была присуща исключительная строгость по отношению к своему раннему творчеству. Так, например, по свидетельству вдовы писателя, А. И. Вагиновой, он сжег принадлежавший ей экземпляр своего первого печатного стихотворного сборника «Путешествие в хаос» (Пб., 1921), объяснив, что это плохие стихи. Еще более критическим, естественно, было его отношение к своему рукописному первенцу, где еще встречаются даже погрешности против языка и метра. Показательно уже

² См.: Чуковский Н. Константин Вагинов // Чуковский Н. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 182.

³ См.: ИРАИ. Р. I. Оп. 4. Ед. хр. 2.

⁴ Никольская Т. Л. К. К. Вагинов. С. 68.

то, что он решился с ним расстаться при том, что другого экземпляра сборника у поэта скорее всего и не было. Подобный расчет со своим недавним прошлым, суровая переоценка своих эстетических и мировоззренческих позиций происходили в творческой биографии поэта не раз. Это свидетельство большой работы, проделанной Вагиновым на пути к творческой зрелости. Чтобы оценить и представить себе этот путь в полном объеме, не обойтись и без его стихотворений из альбома, подаренного К. М. Маньковскому.

Пунктуация в альбоме часто носит случайный, неупорядоченный характер, поэтому тексты стихотворений печатаются в соответствии с современными нормами. Это же, за исключением сугубо индивидуальных, авторских написаний, касается и орфографии. Некоторые, наиболее значимые из зачеркнутых автором слов и фраз, приводятся в сносках.

ВЕСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Моя душа — это старая, заглохшая столица,
Моя душа — это склеп изо льда,
Где бродят бледные, изнуренные лица,
Где не бывает весны никогда...

В мою душу, как в мертвый город
Лишь иногда приходят паломники
И в тоске небывалой рвут ворот,
Увидя старую истощенную каменоломню.

В моей душе никто не создаст красив<ого> замка,
Где бродят пажы и принцессы,
Где смеются зеркала в причудливых рамках
Смотря на послов из Бениресы.

Всё мертво, всё пусто... И лишь иногда...
Иронически смеются старые вороны
И шепчут! «Весна не придет никогда
В эту старую заброшенную сторону».

СЧАСТЬЕ

Счастье — это странная девочка в розовом платье,
Что играет в сэрсо среди снегов
И не знает ни вьюги, ни злобы ненастья,
Ни свирепого воя ветров.

Для нее не снега, а алмазные копи,
Для нее бирюзов и кристален ручей,
И закинув колечко в безбрежн<ые> топи,
Она нежно смеется и скачет бойчей.

И в тумане холодном и серой трясине
Вновь смеется любовь и рыдает роаль
И, как в старой истертой картине,
Где-то спит тоска и печаль.

У меня на глазах слезы...
 У меня в сердце — лед...
 Но пою я о том, что розы
 Дают нежный душистый мед.

Я пою... Как будто в комнате тепло и приветно,
 Как будто в комнате звучит орган!
 Как будто бархат шепчет ответно!
 Как будто в окна не бьет туман!

Но все это приторно и очень неестественно,
 Но в моей комнате скучно и так темно...
 И мне хотелось бы молитвой приветственной
 Вызвать все, что бывает весной.

На улицах столицы белесоватый туман.
 Как грустно!.. О, согрейте... Дайте роз!..
 Лишь изредка проходит цыганка, как странный обман
 Из страны милых мечтаний и грез.

Быстро проходит цыганка в пурпурном платке
 С резвыми глазками и губками, как рубин
 И я, мечтая о ней в голубой тоске,
 Стою у белесоватых липких витрин.

Я рыдаю, у меня глаза полны слез
 Я люблю эту цыганку, дочь южн<ых> стран
 И сжимая пучек засохших роз,
 Я погружаюсь в странный обман.

Мне все кажется каким-то сном,
 Невский — миражем,
 И я не вижу ни огоньки за окном,
 Ни блестящего и лакированного экипажа.

Долго я стою у липких витрин
 И мечтаю о своей весенней Аркадии,
 Пока тоска не захватит, как исполин
 Хватает карлика на эстраде.

И я отправляюсь домой и, беззвучно рыдая,
 Вижу цыганку на изразцах ночи
 И, мечтая о нежном и томн<ом> мае,
 Смотрю чрез окно на стенные <?> кирпичи.

МЕЛАНХОЛИЯ

Боже! Какое нудное и серое существование
 Жить всегда по определенной мерке,
 Не чувствовать в себе какой-нибудь мании,
 Не видеть Дульцинеи в Верке.

Неужели все для меня прошло,
 И я стал обыкновенным, сереньким человечком,
 Который утром гребет обычных<енным> веслом,
 А вечером греется у печки?..

Неужели я в солнце не увижу топаз,
В луне — бледное личико царевны,
И когда пробьет двенадцатый час,
Не буду мечтать и вздрагивать нервно?..

НИЩЕНКА

Я тебя люблю, грязненькая девочка,
Моя бедная, маленькая крошка.
Мне больно, когда ты просишь хлебушка:
«Пожалейте, сударь, меня немножко».

Маленький, крохотный ребенок,
Что я могу сделать для твоих глазок.
Нет у меня ни хлеба, ни детск<их> пеленочек,
И давно я позабыл о ласках.

Посмотри на меня, тоненькая девушка,
Видишь, я такой же, как и ты, печальный.
Ты тщетно ищешь хлебушка,
Я ищу облаков, грустн<ый> и рыдальный.

УТЕШЕНИЕ

Что ты плачешь, маленький мальчик?
Умерла твоя добрая мама...
Ну засмейся, сделай из губок овалчик,
Будет там она знатной дамой...

Твоя мама любила сидеть у озера на мостике.
Знаешь, там где лебеди и рыбка...
Будет и теперь она думать о Костике
И посылать ему ласковые улыбки.

И, когда ты заснешь в своей маленькой колыбельке,
Нежно спустится в лунных лучах твоя мама
И увидишь ты ее на бледной аллейке
Знатной, красивой, нарядною дамой.

ИЗ ДНЕВНИКА ДЕВУШКИ

Мне сегодня сообщили, что теперь осень,
Но в моем сердечке аромат весны,
И среди красивых, стройных сосен
Тихо бродим мы одни.

И никто нам не мешает, только сосны
Одобрительно кивают головой,
И в его глазах всегда лишь весны
Говорят так ласково со мной.

И когда он делается томным,
Мы сидим подолгу на песке,
И целует поцелуй нескромный
До биенья странного в виске.

Может быть, теперь и осень,
Но в моем сердечке аромат весны,
И среди красивых, стройных сосен
Тихо бродим мы одни.

СТАРАЯ ДЕВА

Часы вечно тикают... Ну не смешно ли,
И я вспоминаю свою молодость, свою весну,
Когда я играла в жизни первые роли
Под смешное, нежно-голубое сиянье луны.

Помню сад... Голубые странные звезды,
Аромат сирени в заглохшем саду,
На белой тарелке <1 нрзб.> грозди,
Черемухи куст в подвенечном цвету.

Все было так ясно... Но времени сумрак холодный
Настиг мою душу и тело.
Я стала желтой, скучной, негодной...
Все прошло, но сегодня весны захотелось.

Захотелось до боли, до злых трепетаний,
До судорог в горле, до слез...
Ах, дайте немного лазурных мечтаний,
Подарите букетик роз!..

[ЭРОТОМАН]

Среди нежных и томных полей
Я мечтал о царевне Хадали,
Что мой ум сотворил из лилей
И причудливой розовой дали.

О Хадали мечтал я в лесах,
О царевне из сонного царства,
Где играют сапфиры в очах.
И спокойно сносил я мытарства.

Но идут и проходят года,
И тускнеет обличье Хадали,
И живая исчезла вода
Из лазурной сияющей дали.

И один я сижу за столом,
Где Хадали так нежно шептала
И зловеще летят за окном
Хлопья снега, как искры опала.

Да, Хадали дряхлеющий ум
Воплотить не сумел начинанья,
И, как старый смешной Аввакум
Погибает в огне за мечтанья.

И сажу, и смотрю на огонь,
И смешно мне, и грустно до боли.
О, сердечную рану не тронь,
Унеси же букет из магнолий.

Ф...

Грациозная кошечка и полудева,
При которой можно говорить обо всем,
Крашенные ногти выпускаешь без гнева
И царапаешь больно, забывая потом.

Твое сердце — это воздушный замок,
Но Боже! как неудобно в нем...
Смотрят тысячи старичков из рамок
И лепечут что-то о былом.

Они шепчут о том, что было красиво:
О бархате и о драгоценных камнях,
О ароматах странных и прихотливых,
О разноцветных фонариках и огнях.

Но когда ночь наступает, старички умолкают;
И твое сердце совсем одно,
И в нем странные струны рыдают
Слабым фосфорическим огоньком.

Бедное маленькое сердце,
Разве оно виновато, что оно холодно,
Но заиграть не может скерцо
И остается всегда одно...

ИРОНИЯ

Вы играете, а не живете;
Вы играете, как мячиком; мечтами,
Но смотрите — нить волшебная порвется,
И заплещет сумасшествие пред вами.

О, не грезьте! бросьте эту скверную привычку,
Она доброму вас не научит.
О, не ставьте жизнь в кавычки,
Будет вас ужасно это мучить;

Ведь не сможете любить обыкновенно,
Вам понадобится образ полубога,
Чьи глаза глядят проникновенно,
А таких встречается немного.

Ах, послушайте меня и бросьте сказки,
Полюбите кухню, дрязги и детишек —
Ну зачем томиться по небесной ласке,
Когда будет муж из сереньких людишек!

ИЗЫСКАННОСТЬ

Вы цветок фарфоровый и нежный,
Украшение красивых будуаров,
Генералы где, сидя полунебрежно,
Чувствуют, как в буржуазном рае.

Как цветок душистый и приветный,
Забавляете вы этих инвалидов
(Я вам говорю секретно,
Не из личных видов).

Не подумайте! Я вам добра желаю,
Ведь противно мне смотреть как эти,
Как назвать их, право, я не знаю
Улыбаются слезливо, точно дети.

САНТИМЕНТАЛЬНОСТЬ

Захотелось вновь быть маленьким мальчиком,
Горько плакать над порезанным пальчиком,
Целовать глазки и ручки
И не ждать известной полочки.

Захотелось ворковать про розы и левкой,
Все мечтать о Дафнисе и Хлое..
Пожалейте, взглядом подарите,
О дальнейшем ничего не говорите!

Вы смеетесь?! Вам смешно, мне больно,
Вы мечтаете окончить все фривольно...
Боже! Я устал... Не говорите...
Мне цветочек алый подарите!

Вы протягиваете губы — я жонглер словами,
Как мне больно, что я фокусник пред вами.
Ну, хоть дайте мне пучок сирени...
Не садитесь пошло на колени.

Но вы зло смеетесь и играете глазами,
Как поспевшими красивыми лозами.
Ничего вы не поймете! Боже!
Вы сулите все одно и то же!

КОКОТКА

Я отдавалась вам так нежно, так грёзово,
Так ласково, так радостно скорбя,
Что вы увидели кусочек неба голубого
И вы поверили, что отдаюсь любя.

Но милый мальчик, точно люттик нежный,
Ты мне простишь,— я не люблю тебя:
Мне надо жить, казаться безмятежной...
И я даю любовь, но не любя.

О, нежный мой, должна ведь я всечасно
Актрисой быть среди толпы шальной,
О милый мой, не плачь, не плачь напрасно,
Мою судьбу не сделаешь иной.

Но помни, кроткий мой, о томной тихой Nelli,
Которая тебя любила не любя —
Она тебя из грёзной колыбели
Метнула в жизнь, кокетливо скорбя.

* * *

Вы ехали в роскошной, изысканной коляске,
Вы ехали с лорнетом и собачкой,
А я стоял в мечтах о вашей ласке
И ждал ничтожной маленькой подачки.

Но вы проехали, небрежно посмотрели,
И, глядя пса по мордочке слезливой,
Забыли навсегда про ужасы мятели,
Про радости любви и скромной, и стыдливой.

Вы сделали кокеткой, важною бабенкой,
И ценят вас, как сочную клубнику,
Никто вас не жалеет, не выронит слезенки,
И купит вас старик, как фунтик земляники.

Да, это так... Но я вас не забуду,
Ведь вы цветок пушистый и махровый,
И вас сманили платья, экипаж и люди,
И грум на все готовый.

ВТОРАЯ СМЕРТЬ

Молчаливо сжимались призраки из катафалка,
Тихо смотрели на мертвеца в экстазе,
Где-то плакала кровью весталка,
Видя зеленоватые огоньки газа.

Сюда пришел из старой базилики
Бледный инквизитор с странными глазами,
Может быть, он вспомнил, что был великим,
И ему захотелось развлечься мечтами.

Тут и Аполлон, истощенный, бледный,
Без золоченой, звенящей лиры.
Зябко жмутся козлоногие сатиры,
Ждут, не воспрянет ли Пан при звуках победных...

Но всё тихо, и в углу за иконой
Пан забывает про всё за бутылкой
И, вынимая колбасу из картона,
Цедит: «И я был некогда пылким...»

Жизнь умирала на катафалке,
Дико смотрели призраки в экстазе,
Где-то плакала утомленная весталка,
Ей снилось, что разбилась священная ваза.

КУРТИЗАНКА

Старуха гладила морщинистые сосцы,
Хлопала себя по отвислому животу
И говорила: «Как мне тяжело, невмоготу».
А в окне от смеха дрожали торцы.

«Да, всё на свете только дым,
А давно ли моя кожа была, как атлас,
Глаза сверкали блеском неземным,
И в окне от страсти дрожала грязь?»

И старуха голая стала искать
Временем нетронутый уголок,
Хлопать по ляжкам и груди мять,
Пальцами искать чувственности ток.

Но по-прежнему в окне смеялись торцы,
Где-то скрипел петлями сарай;
Старуха, перестав мять сосцы,
Слышала, как кто-то шептал: «Умирай!»

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЭТ

Кошмар

На мне не лавровый венок,
Не лира в моей руке —
Лишь черный пюпитр у ног,
На черном, зловонном песке.

Поэт я! Да, да, я поэт!
Смотрите, стою в скюртуке...
Не Феба лучи, электрический свет
Внимает поэта тоске...

Да, да, я поэт! В глазу у меня
Сидит блестящий монокль,
А слушатель сонно сопит у огня,
Ему видится Тэн или Бокль.

Смешно мне: «Поэт это царь!»,
«Поэт — это сказочный бог» —
Пюпитр теперь алтарь,
Луна — электрический ток...

ОПИОФАГ

Я — обладатель старых фимиамов,
Кадильниц много у меня,
Но нет богов, кругом лишь ямы,
И нет призывного нигде огня.

Один сижу в забытой желтой башне,
Где режиссирует печаль обыкновенных дней,
И делает она из девочки вчерашней
Какой-то талисман и снова ночь мрачней.

А рядом — белого металла трубка,
Лежит кокетливо, причудливо язвя:
«Возьми его, еще одна минутка —
Лицом он не ударит в грязь!»

И я беру и снова опьяняюсь —
Какое дело мне, что где-то жизнь идет.
Во мне весь мир и в миге я являюсь,
И для меня минута — целый год.

БЕЗУМИЕ

Я построил себе из слоновой кости башню,
Ведь надо сохранить все то, что я имею,
Ведь среди запасов грязных и вчерашних
Есть великолепная белая лилея.

Моя башня стройная, как старый замок,
Крепкая, как корабельная рея,
Смотрит, как картина из рамок,
И вся полна мыслей, как картин — галерея.

Но среди этих мыслей есть одна моя любимая,
Это мысль — о моем безумии,
И она жалит и ласкает меня неудержимо,
И дает мне все муки раздумия.

[Я люблю ее — ведь она кусок лазури
В моем сером и нудном существовании,
Ведь она подымает ужасающую бурю
И заставляет уверовать в свое призвание.]

ОПЬЯНЕНИЕ

Мне камни шепнули: «Ты умер».
Я камням ответил: «Я жив».
Ехидно смеялся красный номер,
Я крикнул: «Что ты смеешься, мне душу убив!»

Угрюмо падала вода на панели,
Как на беловатую жестяную лохань,
За каменным забором беседовали ели,
И березы отдавали осени желтую дань.

Я шел и думал: «Опять осень
И опять я смертельно пьян...»
И видел усмешку сосен,
Сквозь серебристый туман.

Где-то за стеной играли серенаду,
«Направо!» — кричал городской,
Я прошептал: «Мне ничего не надо!..»
И пошел, покачиваясь, домой.

НОВЕЛЛА

Он построил великолепную башню
Из красивых, голубых планет.
Долго смотрел на зеленую пашню,
Говорил: «Я — поэт!»

По вечерам, в часы томных грез
В башне раздавалась музыка,
И какой-то голос, полный слез,
Жалел добровольного узника.

И однажды узник вспомнил, что он человек,
И ему захотелось обыкновенного счастья,
Без закатывания судорожных век,
Без речей о неге и страсти.

И он отправился в какой-то кабак
И, грустно сидя за грязным столиком,
Курил скверный дешевый табак
И душой рыдал до коликов.

А затем поднялся и, уныло всматриваясь,
Прошептал: «Я вечно одинок, как весталка»,
И меланхолически покачиваясь,
Он отправился, опираясь на палку.

СКАЗКА

Как-то Разум зашел в умирающий город,
Где забыло все про запах сирени,
Где лишь бродят странные тени...
Как-то Разум зашел в умирающий город.

Он смотрел на дома в стиле барокко
И трогал каждую кариатиду:
«Может быть, жива, хоть мертва с виду?»
И его мечты раскинулись широко.

Он смотрел на тонкие пилястры
И шептал: «Красиво! Но где же люди?»
И ждал, не раздастся ли стон в виде прелюдии,
Но нигде даже не видно было астры.

Разум сюсюкнул: «Может быть, в сквере
Я найду что-нибудь живое?»
Но был холоден мрамор Хлои,
И воздух становился все серее.

И пошел Разум из холодного кладбища,
И начал искать другое небо;

Но все было тускло и нелепо,—
Даже зеленое, нарядное пастбище.

И сказала Тоска ему: «Бедный!
Напрасно ты ищешь свою Ариадну.
Ступай! может быть, на эстраде
Твой путь радостный и победный».

Усмехнулся Разум и пошел на подмостки,
Делал разные пируэты
И ждал исцеленья и привета,
Но лишь скрипели подмостки.

И снова побрел Разум в умирающий город,
Где забыл и он про запах сирени,
И стал таким же, как прочие тени,
И оставил его у себя умирающий город.

ПЕТРОГРАДСКАЯ НОЧЬ

Луна встает из-за крыш,
Как солнце на горизонте;
Трубы, как камыш,
Лучи, как дама в ротонде.

Фонтанка — свинцовый канал;
Дома — мрачные кельи;
Здесь царит тяжелый металл,
А не соловьиные трели.

Здесь не ласточка вьет гнездо,
А уныло скрипят засовы;
Не птиметры играют в лото,
А кошмар готовит оковы.

Мертвый город! Лишь иногда
Кто-то ударяет по крышам,
И бьет свинцовая вода
В пустые черные ниши.

И вновь столица, как прежде, мертва,
И даже не слышно гудка паровоза,
И не захрюкает в виде озорства
Свинья, роясь в кучах навоза.

ВДОХНОВЕНИЕ

Как на старом, заплыванном тротуаре
Находят иногда розу,
Так и в моей душе, изгаженной наркозом,
Пробирается иногда девочка в муаре.

И тогда душа освящается разноцветными огнями,
И все превращается в красивую идиллию,
Где ветер целует бледную лилию,
И долины полны прозрачными ручьями.

Но затем уходит девочка в муаре,
И душа превращается в петрогр<адского> апаша,
Который влюбляется в какую-нибудь Пашу
Проводя летнюю ночь на тротуаре.

* * *

Моя душа — это пыльная библиотека,
Где стоят разрозненные томики и тома,
Где мак царит наподобье человека
И строит воздушные домики и дома.

Моя душа, как больной туберкулезом,
Все мечтает о солнце с ярким лучом;
Тянет ее к виноградным лозам,
Хочется ей не думать ни о чем.

И она, бедная, перебирает томики,
Горько плачет над потерянным концом
И в чахоточной дали строит детс<кие> домики,
И венчает голову игрушечным венцом.

КОШМАР № 1

Ах, зачем звезды неярки?!
Ах, зачем лихорадочно зелен закат?
Неужели доткали античные Парки
Бесконечную нить и мир смертью объят.

Неужели не будет красивеньких птичек?
Неужели потухли давно васильки?
Вместо красок зари зажигаю я спичку
И унылые мысли ловлю я в силки.

Неужели не сплю? Неужели не снится,
Что никто никогда не увидит луны,
Что потухли давно золотые зарницы
Под дыханьем холодной последней волны?

Да, вот так... Лихорадкой объятый,
Мир, как старый больной, догнивает в тиши,
Умирает, лежа на подушке измятой,
Где лениво ползут утомленные вши.

* * *

Жизнь — неужели это розовый бантик
Надушенной кокотки?!
Я, как старый помешанный антик,
Ужасаюсь, что мгновения коротки.

Ужасаюсь, мне грустно, мне больно,
А цветы голубы и красивы,
И, смеясь, точно в сказке, фривольно
Опускаю глаза я стыдливо.

Да, о жизнь! Напевай и баюкай,
И кажись голубой пеленою —
Кокзель будет лазурной порукой,
Что зажгу я огни над собою.

КОКАИНИСТ

Там, где раньше росли дубы,
Где ходили парочки влюбленных,
По нелепой прихоти судьбы,
Стоит юнец, бледный, утомленный.

Он смотрит на тусклый фонарь,
На пепельно серые стены
И вспоминает, что встарь
Здесь гондолы подымали пену.

Он знает, что там, где теперь торцы
И где ездят измызганные пролетки,
Были великолепные дворцы,
А не казенки и белоголовые сотки.

Он думает о том, что Петроград
Был знаменитым 'парадизом,
Где били фонтаны и похоже на гранит
Было солнце в небесных ризах.

Он вспоминает все — у него кокаин,
Этот яд и волшебный спаситель,
Который, как на востоке муэдзин,
Провозглашает вход в небесную обитель.

КОМНАТА Б.

Я играю на странной арене,
Созданной собственным воображением,
Где я становлюсь всегда на колени
И занимаюсь божественным пением.

На мне буро-малиновый шутовской кафтан,
И, когда меня душил тоска по красивой сказке,
Я смеюсь над звездами и бросаюсь в туман
И ругаюсь над нежною лаской.

Но иначе я не могу поступать,
Я должен не быть собой,
И слезу умиления ненавидеть и гнать,
И рассудок тешить игрой.

МЕЧТАТЕЛЬ

Мне не надо ни вкусной пищи,
Ни красивой девочки в шелестящем платье,
Я, как великий бродяга и нищий,
Утоляю грезой жажду объятий,

И довольно мне, когда на небе звезды,
Или в воде кусочек лазури —
Я получаю мимолетный роздых
И забываю про все злобы и бури.

И спокойно я сижу у своего камина
И слежу за синими огоньками,
Пока ткется серебряная паутина
В красивой узорчатой раме,

И в ней весело бьется
Лазурная фея — тонкокрылая греза,
И играет листьями, и радостно смеется
Голубая, странная, ядовитая роза.

К Богочеловеку

Ты воззвал, и я пришел в обыкновенной одежде,
Ты зывал, и я приходил не раз,
В моем сердце не пели надежды,
В глазах не горел экстаз.

В жизни я проходил своей дорогой,
Я тебя не знал и знать не хотел,
Я любил лишь месяц двурогий,
Снам не ставил предел.

Я мечтал о богах Эллады,
Был скучен и сер твой лик.
Ты прости,— мне милости не надо.
Бей, терзай, я слишком велик.

Ты знаешь — я не люблю твои фимиамы,
Ты пойми — у меня другой путь:
У меня есть собственные храмы,
Мне некогда в твоих вздремнуть.

Ты воззвал, и я пришел в обык^новой одежде,
Ты зवेशь, и я приду не раз,
Но в сердце не запоем надежда,
В глазах не зажжется экстаз...

УЖАС

В старом цирке танцевали девочки,
В старом цирке танцевала она.
Где-то сияла серебряной тарелочкой,
Где-то сияла молодая луна.

В фиолетовых ложах сидели зрители,
В фиолетовых ложах зевала она.
Скрипка рыдала: «Белья не хотите ли!
Маленькую девочку, Боже, храни!»

Желтые лампы казались приманкою,
Желтый свет падал на ее лицо.
Маленькая девочка! сделавшись куртизанкою,
Будешь ты часто выходить на крыльцо.

ПОЭЗИЯ

Она приводила свои волосы в порядок,
Она стояла у окна.
Поцелуй ее губ так сладок!
Она вся так нежна!

.....
Утром спала желтая старуха,
В неопрятной рубашке,
С прилипнувшими перьями пуха;
На белых губах — капельки краски.

Я бросился к дверям:
«Милый»,— и она, растопырив руки,
Стала откидывать кучу белья —
Я претерпевал адские муки.

Смотрел, как она поправляет парик,
Красит щеки и брови...
И, улучивши миг,
Я бросился от постаревшей любви.

ЛУНА

Сегодня обвенчалась луна с облаками,
Она похожа на маленькую старушку,
Ее муж на баки камердинера.

Очень странная была свадьба:
Ухмылялись весело трубы и крыши,
И язвительно хихикали подъезды.

Все смеялось, лишь две кариатиды
Лениво поддерживали карнизы
И упорно смотрели на панели.

На панелях, как всегда, валялись окурки,
Куда-то спешила бумага,
Кружилась тяжелая пыль.

Все было по-прежнему, и прохожие
Скучающе, заходили в пустые магазины
И скучающе говорили: «Ничего нет».

Луна вспомнила молодость и горько заплакала:
«Где мои лацдыши и левкои,
Где моя подвенечная фата — мой лунный свет?»

Злобно смеялись трубы большого города,
Тихо хихикала крыша,
Злорадно скрипели подъезды.

И будет день, и Петроград погибнет,
 Печальная луна заплачет на берегах,
 Но снова ночь сойдет, и снова все утихнет,
 И закачается ладья на северных волнах.

И вскоре волхв придет беседовать с луною,
 Русалка запоет среди густых ветвей,
 И капище воздвигнут Громобою,
 И вновь появится содружество людей.

Да, все на свете круг свершает,
 Ничто не ново под печальною луной,
 И снова попик церковь освещает,
 И снова франт любит Невой.

ПЕТЕЛЬ<УРГСКИЕ> СФИНКСЫ

Сегодня сфинксы странно улыбались —
 Может быть, они видели голубой Нил?
 Их глаза томно и лениво закрывались,
 А на лапах мох и щебень гнил.

Женщины в платках громко ругались,
 Они складывали привезенные дрова.
 На лапах сфинкса утрюмо колыхались
 Поддевка и оторванные рукава.

Было так скучно и так тоскливо,
 Лениво билась о щебень Нева,
 Купол собора выглядел стыдливо,
 Будто спрятавшаяся в тумане голова.

Но сфинксы странно улыбались,
 Они думали, что живут в каком-то сне,
 Их глаза в даль устремлялись
 И читали что-то в глубине.

ОБЫКНОВ<ЕННАЯ> ИСТОРИЯ

На огромном тротуаре жалобно мяукал котенок
 С [липкими] глазами, как у дряхлой старухи,
 За стеной рояля раздавались звуки,
 И пищал упитанный ребенок.

Маленький котенок, дрожа от стужи,
 Залез в газетную бумажку,
 За стеной ребенка кормили теплой кашкой,
 И садились взрослые за ужин.

Маленький котенок смотрел на фонарик,
 Может быть, он думал: «Отчего не греет?»,
 Маленький ребенок, от радости пьянея <?>,
 Глазел, как вертится гладильный валик.

Худенький котенок умрет на панели —
Он никому не нужен!
Толстый ребенок, кончив ужин,
Будет валяться в колыбели.

В ИЗГНАНИИ

В далекой Сибири сидели Христос и Аполлон,
Бледные изгнанники городов, сел и полей,
Удивленно смотрели со всех сторон
Снега на этих странных людей:

Что им нужно в этой далекой стране?
Неужели они ищут апостолов и жрецов,
Отчего они ходят в каком-то сне?
Все их взгляды говорят без слов.

Раньше в другой, совсем другой стране
У Аполлона были храмы и жрецы,
Ласково молили бога о весне,
Приносили в жертву лавровые венцы.

Потом Иисуса чтили везде,
Горько молили его, в слезах...
Искали спасенья в святой воде,
Зрели в розовых облаках.

Но все быстро проходит: Иисус и Аполлон
Ныне простая игрушка людей,
И коварно смеются со всех сторон
Холодными улыбками снега полей.

ЛУНА

Небо было безоблачно и спокойно.
Луна тихо улыбалась —
В городе до боли гнойном
Она мерзкие дела открывала.

Ей приятно было смотреть в подворотни,
Где солдаты щупали проституток
И, отражаясь в луже рвотной,
Она кряхтела, как утка.

Она смотрела на огромные панели,
Где валялись чьи-то пеленки,
И слышала, как хулиганы свистели,
Насилюя в будке ребенка.

А затем усмехнувшись мечтала
О своей дорогой Элладе
И, потускнев, как зеркало,
Рассеянно скользила по ограде.

Мы все — игрушки в забытой лавке,
На пыльной полке сидим недвижно,
Лежит покойник здесь в камилавке <?>
Со взглядом тусклым, неподвижным.

Мы только смотрим с тоскою в окна
Нет пробужденья, нет привета...
И ждем, не даст ли снова рок нам
Улыбки нежной и [привета] ответа.

Быть может вновь придет Спаситель
Который снова откроет двери?
И плачут куклы: «О, отворите!
О, дайте выход из музея».

Они рыдают, но неподвижно
Висит, как купол [огромный] стеклянный, небо,
И снова куклы, совсем недвижно,
Как автоматы, глядят нелепо.

СКОРБЬ

Иисус, мой хороший и ненаглядный!
Милый, маленький ребенок,
Как я могу с душой каскадной
Выронить несколько нежных слезенок?

Разве мне нужны твои скорби и боли?
Разве я болею твоим страданьем?
Я, папа с букетом магнолий,
Разве не чужд всяких исканий?

Да, мне не надо твоей улыбки,
Нежной, скорбной и лучезарной...
Пусть Тебя слушают серебристые рыбки
В озере нежном и янтарном!

Это так... Но отчего мне так больно и странно,
Будто я мальчик с голубыми глазами,
Вставший поутру очень рано,
Чтобы любоваться лазурными облаками.

АРОМАТЫ

Запах роз — волнует и пленяет,
Запах ландыша — зовет куда-то вдаль.
Запах водопада свежестью ласкает,
Запах звезд струит печаль.

Аромат луны звучит, как клавишины
В старом замке, в голубой стране,
Где лепечут нежно апельсины
И живут в каком-то странном сне.

Запах солнца, пряный и пурпурный
Зажигает страсть в потухнувшем пруде
Он мотив каскадный и пурпурный,
Он кусочек олова в воде.

Ароматы властвуют повсюду,
Ароматы — это целый мир
С музыкой, подобной изумруду,
С розами как оргия иль пир.

* * *

Ах, дайте, дайте немного сказок!
Ах, дайте дайте немного грез!
Я так устал от странных плясок,
От смеха горького и слез!

Я так устал от злобных стонов
От глаз тоскующих, дрожащих губ.
Что захотелось мне красивых [стонов] звонов
Из серебристых длинных труб.

Мне надоело кричать о Боге,
Мне надоело молить туман,
Иду по спутанной дороге,
Где Пан умерший снова Пан.

[Пусть все будет, как в сказке, просто:
Пускай сатиры спят в траве,
И я поплачу, как подросток,
На мягкой, нежной мураве].

* * *

Я — фарфоровая куколка — не человек,
Меня любят, как хрупкую игрушку,
Нежную и тонкую, как кружево век,
Безвредную, как маленькая мушка.

Меня любят, как красивый диссон.
В сером и обыденном счастье,
Как красивый колокольный звон
О слезах, страданиях и ненастье.

Иногда меня душит настоящая любовь,
Но я ее скрываю, ведь я игрушка...
Ведь странно было б видеть кровь
В маленькой, смешной мушке.

ВОПЛОЩЕНИЕ

Сегодня ночью, без четверти четыре
Ко мне пришла девушка из роз и жасмина
С голосом печальным, как звуки лиры,
С кожей пряной, как запах апельсина.

Усмежнувшись, она прошептала:
«Я нужна Вам? Вы меня звали?»
Ее зубки, как блики опала!
Ее губы [как] — кусочек эмали!

Я шепнул: «Это Вы моя греза!»,
Я сказал: «Вы нашли оболочку!
Воплотились в виденьях наркоза,
Вы — наркоза царица и дочка.

Сядьте тихо ко мне на колени,
Опустите стыдливо глазенки,
Посмотрите, узорные тени
Из огней Вам оплетают пеленки.

В сладком сне, в лучезарном наркозе
Вы живете, как в жизни, бесспорно,
О надзвездном забудьте морозе,
О дороге забуду я торной.

Мы забудемся в сне лучезарном,
Что реальность для чутких душою?
Только призрак, больной и кошмарный,
Порожденный смешной чернотой».

О, наркоз! Всекрасивый и юный,
Ты даешь воплощенье всем грезам,
Ты удар по серебряным струнам,
Ты цветок среди бурь и мороза.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

В лучшей стране, под сапфировым небом
Как-то родился прелестный ребенок.
С детства не знал он ни узких пеленок,
Ни нарядной коляски и кэба.

Он только бегал под сенью густою
Крепких деревьев с улыбкою строгой;
Он любовался луною двурогой
И забывкою скромно простою.

Как-то ребенок, у моря играя,
В море взглядевшись, увидел кого-то,
В маленьком сердце родилась забота:
«Кто этот пленник, что море скрывает?»

И в бесконечной тоске и печали
Стал вопрошать он деревья и травы,
Но все молчало... И даже муравы
В тихих долинах угрюмо лежали.

«Что это значит? — подумал ребенок,—
Стал одинок я... Не шепчут со мною

Крепкие дубы с главою златою;
Только лишь ветер по-прежнему звонок.

Может быть, мальчик, что море скрывает
Мне все расскажешь и все растолкуешь?...»
Бедный ребенок! Судьба не минует —
Сам ты собою свой путь замыкаешь...

КИТАЕЦ

Странный китаец, оборванный, зеленый,
В сером кителе стоишь ты у ворот
Несколько копеек с тоской затаенной
Просит твой бледный, болезненный рот.

Но безразлично проходят мимо
Дряхлая старуха и молодой человек...
Только котенок, сочувствием томимый,
Трется. Щепча про множество нег.

Ночь наступает огромной ступнею,
Скорбно светят земные огни...
Кот и китаец, тоскуя по зною,
Тихо сидят на панели одни...

БОГОМОЛКИ

Ангелы — это незрелые ребята.
Может быть, оттого старухи так любят молиться?
Коже морщинистой с запахом проклятым
Так приятно с ними соединиться.

Взорами тусклыми гладить молодые груди!
Дряблыми губами смаковать их брови!
Для старухи в сладострастном зуде
Единственное средство осуществления любви.

Потому так часто можно видеть на коленях
Дряхлую старуху в темной часовне,
Которая лепечет в странном забвеньи,
А домой возвращается размягченной и безмолвной.

ЖЕНЩИНА

У женщины есть нежные, пушистые крылья,
Это — ее розовые, как бутоны, бедра,
Где прячутся неземные ароматы, как эскадрилья
Готовая вылететь во всякое время бодро.

Когда женщина идет, покачиваясь в изящных ботинках,
Разве это не крепость, которая сама себя предлагает
А ее корсет разве не корзинка,
Где груди, как фрукты, взоры ласкают?

Девочки, девушки, женщины, вы не великолепный инструмент
Вы не сосуд Дявола или Бога,
А просто ресторанный счет или документ,
Где каждый из нас расписывается понемногу.

НЕРОН

Нерон! Нерон, я один тебя понимаю —
Разве здоровый тебя поймет?!
У тебя душа нежная как травка в мае,
Все же думаю, что ты идяот.

Им нет дела до твоих мучений,
Думают: «Это, так, дурачится человек» —
И не видят в тебе поэта или гения,
Не воздвигнут тебе одну из Мекк.

Ты же считал себя великим Богом,
Ты был выше других людей,
Ты блуждал по всем дорогам
И становился печальней и злей.

Ведь они ничего не различали,
Они любили одно — розу или кровь
Ты же любила и сладость печали,
И коварную, извращенную любовь.

Ты ведь знал, что после ароматов
Так приятно кого-нибудь убить!
И сменив пурпур на хитон измятый,
По улицам с дубинкой бродить.

А женщины — они так надоели,
И ты сменил их на мужчин,
И, когда звезды загорелись,
Ты думал: «Добродетель — признак низин».

И ты падал все ниже и ниже,
А думал: «Я взлечу высоко!»
И [умер] упал как клоун рыжий,
Как какой-нибудь жалкий Коко...

БОРЬБА

Среди беловатого, липкого тумана,
Между каменными ящиками и мутной рекой
Сфинксы казались зловещим обманом,
Порожденным больной и странной тоской.

На них не смеются блики восхода,
И не рыдает пурпурный закат —
К ним тянется дровяная колода
И предъявляет последний мат.

Она хочет накрыть их тело,
Замуровать их огромной деревян<ной> стеной,
Чтоб взгляд, от сочувствия млелый,
Не мог дать им ласки никакой.

И вот, замурованные рекой и дровами,
Сфинксы погружены в звонкую тишину,
И, тронувшись их скорбью и немymi слезами,
Изида выдвигает из-за облаков луну.

ВЕНЕЦИЯ

Влажная луна появилась над Венецией.
Бледно-лимонная луна закачалась в ее водах.
Напрасно она употребляла всевозможные специи —
Ей не вернуть утраченные и милые года,

Ведь она встает над огромным трупом,
Ведь она светит червяком в мертвече.
Ведь она видит, как ходят с луной
Бледные люди с печалью на лице.

Ведь она знает, что все погибло,
Что нет пурпура и драгоценных камней...
И только в море, как в месте гиблом,
Хранятся золотые кольца дождей.

О Венеция! Моя грустная подруга,
Плачет горько увядшая луна,
Нет теперь у нас ни любовника, ни друга,
Скоро окутает саваном тишина.

И только в шкафу у какого-нибудь синьора
Будут храниться твои ткани и жемчуга,
И, скрытая от чуждых, холодных взоров,
Воплотясь в них, ты переживешь века.

В ТЕАТРЕ

При красной лампе кого-то убивали,
При красной лампе кто-то плакал...
Кокотки душу всю раздевали,
И где-то скорбно браслетик звякал.

Кокотки душу совсем раздели.
Какое дело всем до кокотки?!
Глаза кокотки от слез горели,
Звучали в голосе печали нотки.

А зритель в зале смеялся шумно —
Он был далек от жизни сцены,
И хохотали весьма бравурно
Портьеры залы до белой пены.

Они смотрели, они внимали,
Они читали во взглядах мумий,
Что им не надо вакханалий,
Ни нежной страсти и раздумий.

Какое дело им до кокотки?
Они пришли, чтобы развлечься
И смехом громким и коротким
Сказать кокотке: «Прошу раздеться!»

Душа кокотки на все согласна,
Она разделась до боли странной.

При свете томном, при свете красном
Всё смотрит ласковым обманом.

И зритель в креслах весьма удобных
Смакует гордо кокотки душу —
Она, как хлебец румяный, сдобный
Его покоя — не нарушит!

* * *

Нового! Ради Бога, нового!
Жгите старое, хотя бы и хорошее!
После бдений и поста сурового
Так хочется всего на него непохожего.

После проклятий и богохулений
Хочется жечь кому-то фимиамы
И с учетверенным рвением
Воздвигать пьедесталы и храмы.

Я, обливший слюною Бога,
Сделавший из женщины игрушку по<хоти>,
Хочу помечтать и поплакать немного,
Забывать о своем зловещем хохо<те>.

Забывать и увидеть в Боге — Бога
В женщине — равного мне чело<века>,
И с улыбкой ласковой и нест<рогой>
Говорить о себе как о бедном <поэте,> <?>*

У которого душа была очень красива,
(Но для него она была так обыкновенна!)
И который в позе крикливой
Разбил ее для новой перемены.

* * *

Я — негр, разбивший своего Бога;
Я горько плачу.
Какой идти дорогой,
Когда даль не маячит?!

Я сижу на ступенях храма,
Вижу — идут молиться...
О, прохожая бледная дама
Будь для меня царицей!

* Здесь и выше окончания стихов гипотетичны, так как край Л. 75 оторван.

А! Я ошибся — ты — ворон,
И ты будешь клевать мою душу?
Ты точно дьявол черен,
Эй, проходи: «Послушай!

Знаю, ты выглядишь белой,
Вижу, ты смотришь нежно.
И за ласку тела*
Буду** твоим неизбежно...

Но подумай, как больно
Снова разбить мне Бога...
Лучше — идти добровольно
Или — протащут дроги.

* * *

Все рушится, все погибает, все старится...
Драгоценные камни делаются мутными...
Каждый в себе самом замыкается,
Предается увеселениям минутным.

Никому нет дела до изящных безделушек,
До красивой вышитой ткани...
Говорят: «Все это игрушки,
Все это детская мания!»

И постепенно исчезают рояли,
Как исчезли когда-то клавесины;
И как когда-то короны упали,
Падает мечта в ровные низины.

Ничего не должно стоять высоко,
Все должно быть ровным, плоским, обыкновенным,
Все должны работать, трудиться без срока,
Все должны забыть о сладостных переменах.

ЛИРА

Я — не семиструнная золотая лира...
На мне две ржавых искривленных струны...
Не славлю я пурпур Сидона или Тира,
Не спорю я и в звуках с сияньем луны.

Я — инструмент уставший, найденный в подвале,
И тлением затронута одна моя струна...
Ей незнакомо солнце, ненавистны дали,
И старческой печалью наполнена она.

Другая же струна привыкла слишком к ночи,
И любит только сырость, мрак могил —

* Переправлено из "тело".

** Переправлено из "будет".

При красках дня — отчаянно хохочет,
Цинично дрыгает при музыке светил.

И вот печальный и смешной обломок
Колонн упавших и увядших роз,
Я лишь смотрю, как вдаль идет потомок,
Я лишь кричу от ярости и слез...

* * *

Ах, эти ночи — такие холодные!
Ах, эти дни — такие ненастные!
Ведь это старцы больные, бесплодные,
Зеленые женщины, худые, несчастные...

Коварные сумраки, пленители дремные!
Печальное утро совсем фисташковое...
Ведь это юноша с глазами томными,
Ведь это девушка с боа барашковым...

Луна шафранная, почти чахоточная;
От пьянства солнце совсем багровое,
Ведь это девочка с изящной тросточкой,
Ведь это мальчик с игрушкой новою...

А небо бледное, почти не синее,
Земля холодная, от пепла черная,
Ведь это — камень, покрытый инеем,
Ведь это — паперть собора горнего...

* * *

Вы ароматили, как роза чайная!
Вы были остры, как старый бри!
Моя хорошая, моя случайная,
Моя малютка и комбри!

Я вас любил, как любят устрицы
И вас исчерпал я до дна...
Моя хорошая, о, златоустица!
И мелодичная, как плеск вина!

Теперь я понял, что в вас, хорошая,
Что в вас, хорошая, нет жизни сил...
Теперь я понял, что сел в галошу я,
Что слишком много у вас просил!

НОЧЬ

Черные кошки бродили меж цветов
Черные кошки вдыхали ароматы,
Красные розы меж черных хвостов
Были похожи на блики заката.

Желтые розы струили свой аромат,
Фиялки дарили благоуханье,

Черные кошки лоснились, как агат,
И чувствовали сладкое страданье.

Они покачивали бархатной головой
И мурлыкали повелительно-нежно,
И покорные музыке неземной
Цветы оставались безмятежно.

Но вот был выпит весь аромат
И черные кошки медленно удалились,
И розовое солнце из синих врат
В облаке пыли появилось.

УТРО

Солнце — это маленькая девочка,
Оно побежало поцеловать цветок,
Заглянуть в водяную тарелочку,
Где колышется розовый лепесток.

У него масса дел на свете —
Ему надо куклолку согреть,
Первую улыбку ребенка встретить,
Спящие личико и плечи пригреть;

Заглянуть в темную конурку,
Поцеловать в носик пса,
И, скользнув по штукатурке,
Посмотреть, как нежится овца.

Солнце — милая деточка,
У него — розовый цвет лица,
Оно качается на каждой веточке,
Останавливается у каждого крыльца.

ПОЛДЕНЬ

Солнце, совершив злодеяние,
Умывало руки в пруде...
Оно встало сегодня пораньше,
Оно бежало сегодня по воде.

Надо было сжечь морские лилии,
Надо было сжечь и другие цветы —
Солнце теперь — соперник филина,
Оно ненавидит все мечты.

И земля, обшаренная его руками,
Стала серой и сухой,
И, довольное своими трудами,
Солнце отправляется домой.

ЗАКАТ

Вы знаете? Солнце умирает —
Оно совсем пьяно!
Оно головы не поднимает!
Его волосы красны, как вино.

Ах, как это красиво!
Надо сказать привести Люлю.
Взор солнца скользит по нивам,
Тщетно говорит: «Люблю!»

Но зачем тут маленький мальчик?
Разве хорошо ребенку видеть смерть?
И ребенок, пососавши пальчик,
Стал от скуки реветь...

И вот — вся недолгая повесть:
Бедное солнце давно умерло,
Но молчит проклятая совесть,
Но говорит, что смеяться — зло...

ЛЮБОВЬ

Голубая лютня сложилась из звезд,
Голубая лютня зазвучала в небесах...
Где-то заплакал серый дрозд,
Серый дрозд заплакал в кустах.

Тихо журчал прозрачный ручей,
Прозрачный ручей журчал меж скал...
Серый дрозд во мраке ночей,
Одинокий дрозд кого-то искал.

На зеленой равнине меж двух лесов,
На мрачной равнине рос цветок,
Серый дрозд под стоны сов,
Серый дрозд, приближается рок!

Полюбил ты цветок в тиши,
Ты прозрачный цветок полюбил.
Серый дрозд, ты нашел,— не ищи!
Бедный дрозд, твой час пробил...

Серый дрозд подходит к цветку,
Серый дрозд забыл о слезах,
Он забыл печаль и тоску,
Он оставил тоску в лесах.

Но свершается, свершается рок;
Приближается, приходит день...
Серый дрозд любить не мог,
Серый дрозд уходит, как тень...

И распалась голубая лютня из звезд,
Голубая лютня не звенит в небесах,
Где-то плачет серый дрозд,
Серый дрозд изнывает в слезах...

* * *

Ах, какая у нас елка!
Как много на ней огней!
Есть дедушка белый с метелкой,
Есть звездочка небесной светлей.

На ветках качаются орешки,
Золоченые, как яблоки в райском саду,
Есть мальчики с железной тележкой,
Есть лебеди в стеклянном пруду.

Моя нянюшка рассказывала сказку,
Говорит: «Ночью придет дед,
Он принесет тебе за послушанье ласку,
Зеленый трехколесный велосипед».

А завтра мне дадут конфеток,
Шоколаду и пряничных коз,
Мне тетя подарит каретку,
На ней я буду ездить в мороз.

А теперь заснуть скорее надо,
А то рассердится белый дед,
Не принесет мне мармеладу
И оставит для себя велосипед...

* * *

Я купила себе красной герани
Мне никто уж не приносит цветов,
Я достала шаль из Испании,
Ведь надо приодеться под Рождество.

Я купила немного орехов
Немного шоколадной халвы,
И сказала с тяжелым смехом:
Всё прошло, всё прошло — увя...

А затем засветила елку,
Посмотрела на серебряную звезду
И заплакала, заплакала втихомолку
По несвитому мещанскому гнезду.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

Сегодня колокола сами собой зазвонили! —
К ним давно никто не подходил.
Сегодня ворота сами отворились! —
В них кто-то незримый подкатил.

Огромное солнце радостно засмеялось;
Лимонные деревья зацвели,
И в море, где волны качались,
Появились потонувшие корабли.

Огромная мраморная Венера
Сошла с пьедестала на луга,
В лиловых горах и пещерах
Растаяли холодные снега.

Рукой от солнца закраселой
Натягивает Аполлон свой лук;
На камень пастушка села,
Ждет, не придет ли друг.

Из леса появляются дриады,
Кричат: «Великий Пан воскрес!»
Цветы и травы — все — рады,
И звонко смеется лес.

Везде исчезли туманы,
Всюду раскинулись сады,
И наливаются рукою Пана
Золотистые, румяные плоды!

МУЗЫКА

Есть звуки алые и голубые;
Есть звуки с свежестью прозрачных смол;
Есть звуки добрые и злые;
Есть звуки гладкие, как стол.

Есть звуки тяжкие, как камень;
Есть звуки тонкие, как спиц;
Есть звуки жаркие, как пламень
Незабываемых страниц.

Есть звуки пряные, как мускус;
Есть звуки горькие, как яд;
Есть звуки острые, как уксус;
И — нежные, как аромат.

И звуки могут дать картину,
Нарисовать игру теней,
Дать выход солнцу из низины
И ароматы вызвать в ней!

ЛУНА

Луна всё еще молода,
Луна всё еще сияет в небесах!..
Для нее ничто года. —
Они не отражаются на белокурых волосах.

Ее не трогают [свежие] сырые ветры,
Не портит человеческая рука —
У ней есть платье и шляпа из фетра —
Ее голубые мягкие облака!..

Но в глубине — она очень страдает,
Ведь она видела все века...
И она часто, часто рыдает,
Закутавшись в голубые облака.

И она любит только руины,
Только обломки колонн
И часто, спустившись в низины,
Слушает похоронный звон.

И, найдя какой-нибудь череп,
Она заглядывает ему в глаза
И, прошедшее время измерив,
Закутывается в свои волосы.

И ей делается как будто легче —
Ей кажется, что не прошли века
И, прижав череп крепче,
Она снова уносится в облака.

Но утро протягивает руки,
Луна видит свой обман,
И, испытывая последние муки,
Скрывается в туман.

КОЛИЗЕЙ

Колизей, этот огромный череп,
Никому ненужный остаток,
Никогда не увидит ни одного зверя,
Ни одного человека в латах.

Он напрасно скалит свои зубы —
Он никого не испугает,
Он ведь не огненный Везувий —
Он ничего не извергает.

Он должен лежать спокойно,
Улыбаться и показывать свои раны,
А солнце нехорошее и знойное
Открывает над ним свои краны.

Только ночью, когда все засыпает
И появляется бледная Геката,
Череп шевелится и удлиняется,
Хочет уйти куда-то...

Но его усилия напрасны —
Он не успевает уйти далеко,—
Солнце злобное и красное
Появляется с востока.

Но когда-нибудь две луны
Появятся на ущербе,
И полный тишины
Череп закачается в небе!

ГОРОД

Солнце, похожее на лицо мертвеца
Медленно багровело...
Город, как огромная каракатица,
Двигал своим серым телом.

Сдвигались и раздвигались стены домов
И ощупывали каждого прохожего —
Не несет ли освобождения из оков
Томящимся по зеленому подножию.

И, найдя заветную мечту,
Злобно смеялись и раздавливали.
И, выстроившись в версту,
Кричали: «Вы довольны, не правда ли?!»

* * *

О, собака! — Собака Содома
С розовыми щеками и задумчивым взглядом,
Ты сидишь вечно в запертом доме
Со своей кокетливой хозяйкой рядом.

Бедная, бедная весталка! —
Ты никогда не знала ласки,
И мне жалко, безумно жалко
Твои страдающие, молящие глазки.

Они всегда мечтают о других собаках,
Которые живут, как им угодно,
И, роясь в уличных клоаках,
Сходятся со всеми свободно.

О, бедное анемичное создание
Древних культур и благородной крови! —
В тебе дремлет неутолимое желание
Насладиться обыкновенной собачьей любовью.

И в долгие, зимние вечера у камина
Ты сидишь и, тоскуя, смотришь на пламень,
В то время как пьет какие-нибудь вина
Твоя единственная хозяйка и дама.

ЗВУКОПОДРАЖАНИЯ

Коля колоколами колокола колотит.
Звон зловонная трава издает.
Ночью стрекозы с стрекозами стрекочут,
Обязанный лыком мурлычет кот.

На зло злая лает собака.
Кукушка кукует ку-ку в кустах.
Свежестью веет ветер в злаках.
Трелью свирелится свирель пастуха.

* * *

Из высоких, обвитых розами окон
Плывут оранжевые атласные лучи.
Перед зеркалом сидит Аполлон —
Его лира [уж] давно не звучит.

О, он сильно изменился с тех пор,
Он не думает больше о лучах,

Стал печальным и мутным его взор
От вина и танцев на балах.

Он сидит в белокуром парике
И пудрит пожелтевшее лицо...
Мелкие жилки бьются в виске,
Его спина согнута колесом.

Выхоленной рукой в тонких кружевах
Он держит табакерку из кости.
О, амврозия, божественная пища, прости!
Ты превратилась давно в прах.

О, боги музыки, стад и полей,
Вам даже ячменной лепешки не принесут...
Ваши лица стали солнца желтей —
Рука времени творит над вами суд.

* * *

О, Бодлер! мой царственный любовник,
Умиравшее дитя многих веков,
Ты не променяешь скрежет зубовный
На обыкновенную сладкую любовь.

Ты, влюбленный в сказочное великолепье,
Живший во всех веках,
Хранишь в себе, как в огромном склепе,
Истлевших предков черепа.

Верный паж парижских бульваров,
Ты, как китайка, тоскуешь по рисовым полям.
И, возвращаясь из какого-нибудь бара,
Насмешливо возводишь очи к небесам.

И с печальной [улыбкой] усмешкой спотыкаясь о камень,
Ты шепчешь: «Какой я странный паяц...
Во мне живет могучее пламя,
Которое дороже мне всех палацц!»

А дома тебя ждет твоя Венера*,
Которая шепчет: «Вы пришли, великий поэт!
Спуститесь скорее в наши сферы,
Не то простынет ваш обед!»

И, оторванный от своих мечтаний,
Ты ждешь, пока останешься один,
Чтоб выпустить в белые туманы
Зловещих призраков из своей груди.

* Жанна Дюваль.

* * *

«Есть пурпуровая страна —
страна безумия»

Боже, какая мука!
Ко мне сегодня никто не приходил,
Ко мне Клеопатра не протягивала руки,
Не плакал в пустыне крокодил.

Весь мир стал жалок и тесен,
Никто не смеется и не поет,
Все стены покрыла плесень,
Весь мир молчаливо гниет.

Что, что мне сделать с собою,
Чтоб снова появились корабли!
Чтоб снова повеяло зноем
С неведомой пурпуровой земли?!

Какие ядовитые дурманы?
Какие снадобья взять?
Чтоб скрылась скользких туманов,
Проклятых туманов рать.

Но кругомжимают плечами —
Какое им дело до моей земли...
Они не верят моим печалям!
Не верят, что потонули мои корабли!

* * *

Я тоскую по умирающей мебели,
По огромным, глубоким зеркалам,
Где, как в голубой колыбели,
Спят моей тоски колокола.

О, душа! С тобой говорит воспоминание...
Ты слышишь, как вздыхают цветы?
Но ты не можешь поплакать даже на диване —
Твой взор скользит по стенам пустым.

Так давно проданы фарфоровые статуэтки,
И причудливые картины не глядят из рам,
Только остались пыльные метки
Да в углу лежат поломанные веера.

[Как же жить мне без длинных окон,
Без высокого расписного потолка
Или выйти на улицу и, измокнув,
Слушать, как бьется в виске тоска?..]

ОПИОФАГ

(Из моего будущего)

Медленно двигалось шествие арапов,
Задумчиво несла матрона обезьянку,
Тонкая собака скучающе подымала лапы,
Опахало из павлинов несла негритянка.

Куполом из розового шелка казалось небо,
Поля были похожи на синеватый бархат.
Солнце расточало лучи великолепий,
Причудливые статуи смотрели из арок.

Меланхолическое пение несло из леса,
Цветы раскрывались, издавая жужжанье,
Гроты служили торжественную мессу,
Травы, изогнувшись, занимались воркованьем.

[Я, пожилой человек, лежал на диване,
Пил ароматный аравийский кофе,
Сладко жег дни в ядовитом дурмане,
Странствовал по Азии, Африке и Европе]

Но внезапно подул холодный ветер,
Черные хлопья стали бить мое тело...
Я стал плакать, молить о свете,
Но какие-то сети меня завертели.

Что было дальше — я не помню,
Только мне стало тоскливо и больно,
Сердце сделалось тяжелым и огромным,
Как язык на башне колокольной.

ЛЕБЕДЬ И ЗМЕЙ

Голубое озеро нежно улыбалось,
Его целовало утреннее солнце.
Оно резвилось и всюду бросало
Причудливые розовые червонцы.

Зеленые ели шелестели ветвями.
Их ласкал свежий утренний ветер,
Сочная земляника росла под кустами,
Все говорили: «Хорошо жить на свете!»

Но вот на озере появился лебедь.
Какое красивое пятно на синем фоне!
Ему надоело летать в небе
И слушать, как звезды состязаются в звоне.

Ах, лебедь, лебедь! ты многого не знаешь,
Зеленый змей бежал сегодня из зверинца,
Он голову под камышами подымает,
Он хочет услышать, как поет белая птица.

Он музыки давно не слышал —
Ему никто не играет на свирели...
Ему надо пение услышать —
Оно, наверно, успокоит и согреет.

Но плывет по-прежнему белый лебедь,
Он петь совершенно не умеет.

Он плавает по озеру, как в небе,
А змей всё более и более свирепеет.

Но запоешь ли ты, проклятая птица?
Или я задушю своим объятьем!
Белый лебедь стал биться,
Но сумрак начал приближаться.

И от ужаса запел белый лебедь
Свою первую и последнюю песню,
Как он плавал в широком небе
И летал в поднебесьи.

* * *

Ты слышишь музыку красок?
Ты знаешь — ароматы цветов?
Ведь синий цвет так тих и неясен,
Он нежно [звучит с облаков] ласкает цепь облаков!

Ты различаешь — зелени стоны,
Когда она с розой помещена?
Ты слышишь — болезненные звоны? —
Она хлорозом и немочью больна!

Ты чувствуешь — цвет сирени,
Самый печальный, дряхлающий цвет —
Он звучит музыкой умиротворенья,
Он заживляет раны прежних лет.

А золото? ты помнишь позолоту,
Из которой грустно глядят зеркала?
Это голос состарившегося мота,
Это печальные аристократические колокола.

Да, краски, музыка и ароматы
Переплетены незримо между собой,
И я люблю пурпур заката,
Который, как пьяница, трубит трубой?

РАЗГОВОР С МУЗОЙ

Сегодня какая-то печаль сосет мою душу...
Муза, поговори со мной об ароматах...
— Откроем окно, здесь душно,
И полюбуемся на лучи заката!

— Ты знаешь город с запахом нарда,
Где люди черны и стройны, как кипарисы?
Или тебя влечет, как северного барда,
В страны левкоя и нарцисса?

Может быть, ты хочешь увидеть смокву,
Которая золотится, как глаза тигрицы?
Или надеть современный смокинг
И пойти куда-нибудь повеселиться?

Муза! Брось издеваться...
Видишь — я совсем болен...
— Ну что ж? В минут двадцать
Мы опишем воздух колоколен.

* * *

О, Петроград, ты бледен и задумчив, как Пьеро —
От тебя отвернулся Запад, твоя Коломбина...
Как печально смотрят дворцы с разбитым стеклом
И дверями, что снегом заколотило.

Как медленны и тусклы воды Невы!
Как грустно рыдает она в своих [устоях] пределах,
Так шепчет любовница последнее «Увы!»,
Покидая возлюбленного тело.

Как слабо доносятся колокола.
Как медленно качаются они в своих устоях...
Так движутся старухи, опираясь на костыли,
Окидывая все улыбкою пустою.

О, Петроград, великая столица,
Я не знаю, воскреснешь ли ты когда-нибудь,
Но мне хочется и верить и молиться,
Чтобы вернуть тебя на жизненный путь.

* * *

Есть стихи душистые, как амбра,
Есть стихи пурпурные, как нарда,
Есть стихи золотые, как альгамбра,
И печальные, как цветики мансарда.

Есть кудрявые, как детские головки,
Есть прозрачные, как крылья мотылька,
Есть тревожные, как мышки в мышеловке,
Есть прохладные, как ласка ветерка.

Есть стихи, как воды водопада,
Очень быстрые и шумные стихи,
Есть тяжелые, как горная громада,
Где от скуки умерли и мхи.

Стихи — душа умерших поколений,
В будущем — спасительный маяк,
Нам не сосчитать твои ступени!
Не найти предел в твои края!

* * *

Кроме музыки, в стихе должны быть краски,
Кроме пения, в них нужен и пейзаж,
Ведь стихи — причудливые маски,
Что, жеманясь, смотрят сквозь трельяж.

Есть стихи — огромные картины,
Есть стихи — тончайшие ковры,
Где из шерсти и из шелка арлекины
То смеются, то тоскуют для игры.

Как парчу, стих можно вышить
Зеленью, и золотом, и серебром,
Или выложить мозаикой как ниши,
Где мадонны выглядят старо.

К ТОЛПЕ

Подайте немного любви и лазури!
Я стосковался по чечевичной похлебке...
Я дешево отдам облака пурпурные,
Запечатанные в золоченые коробки!

Или может быть, вы купите агатовые?
Они черны, как печь среди кипарисов!
Заходите в мой балаган богатый?
Заходите, почтеннейшие лица.

Вы найдете здесь ароматы юга
Или вам нравится жизнь востока?
Вот направо северная вьюга
С днем коротким и ночью без срока.

Выбирайте! Я хочу стать человеком,
И распродаю короны и платья,
Разрешите обогреться от вершинного снега,
Мне так захотелось вашего счастья.

ИСКУССТВ<ЕННЫЕ> ЦВЕТЫ

Есть цветы, что тоскуют по жизни,
Это вышитые на мебели цветы,
Они с печальной, щемящей укоризной
Несут свои тяжелые, невыносимые кресты.

Они знают, они чувствуют, что они печальны,
Что они для жизни совсем не нужны,
Что у них нет и не будет дали,
Что они от колыбели смерти обречены.

И когда появляются* летние недели,
Они выцветают, но не могут расцвести,
Они слышат соловьиные трели,
Но знают — птицы не будут на них смотреть.

И, как забытых мертвецов, их никто не поцелует,
Их лепестки не приведут в восторг дня <?>,
К ним бабочка не прилетит, балуясь,
Не вскочит жук, надкрыльем шелестя.

* Сверху карандашом написано: "наступали". — *Рег.*

* * *

Милостивый государь солнце
И милостивая государыня луна!
Загляните в мое оконце:
Здесь царствует могильная тишина.

Посмотрите, здесь одни руины,
Здесь тени других людей,
Удалите туманы из низины,
Вызовите цветы из ветвей.

Вы ведь так могучи,
Вы ведь всеисильны, солнце и луна,
Будьте добры, прогоните тучи,
Пробудите меня от сна.

ГОРОДСКОЕ УТРО

Какое туманное утро сегодня,
Какой дряхлый будет день.
Это солнце, проклятый сводник,
Заставляет цвести сирень.

А к чему над мокрым тротуаром
Ей качаться, качаться и цвести?
Для того ли, чтоб в пьяном угаре
Мог прохожий сорвать и унести?

Или для счастья оборванной малютки?
Или для проститутки она растет?
Это — солнце играет в шутки,
Этот странный багровый идиот.

* * *

Ты — раковина неведомого моря,
Сохранившая моря прибой,
Ты вечно с землею споришь,
Ты вечно готовая на бой.

В твоих розоватых извивах
Сохранились свежесть и ароматы волны,
И ты воспоминаньями жива,
Которые другим не нужны.

А я, как смешной обломок,
Упавший с неведомой высоты,
Буду искать среди Содома
Покинутые лазоревые следы.

Ты с каких остров<ов> Лесбоса,
Дорогая, ко мне пришла?
Твои волосы еще в росах,
Твои губы жгут, как игла!

Ты кому дарила ласки,
Не мужчине, конечно, в эту ночь,
Ты глядишь кругом с опаской,
О, Лесбоса красивая дочь!

Но не бойся, моя невеста,
И мужчина может женщиной быть,
Может слиться с тобою тесно,
Может так же тебя любить.

СИМФОНИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Ландыш всюду носит запах леса,
От него нельзя отнять его аромат,
Который похож на лунный блеск,
На шерсти черных новорожденных котят.

Ели с красными, лубочными шишками
И сосны с серой, твердой корой,
Конечно, не замечают, как под их верхушками
Меж придорожной травы распускается мир иной.

Но когда отымают солнце блики,
И луна кого-то ищет в посеребренной траве,
Разве не слышны стоны и крики,
Которые несутся в почерневшей листве.

О, луна отнимает все соки,
Делает хрупкими за призрачный аромат,
И ландыш молит сосны высокие
Не доверяться ласкающим голубым лучам.

РАЗУВЕРЕНИЕ

Металлические листья, освещенные электричеством,
Искусственная роза и мертвый георгин —
Вот что осталось от прежнего величия,
Вот, что сохранилось от прежних глубин.

Как постепенно все скудеет...
Серебро и фосфор теряет луна.
Жизнь из живых делает мертвыми орхидеи,
Слишком близко стоящие у окна.

А экстазы, которые обольщали;
Разве вернуться они когда-нибудь?
Они дают вместо радости печали
И сознание, что пройден наш путь.

* * *

Тебе знакомы экстазы эфира,
Похожие на желтые металлические листы,
Которые колышатся на стеблях из порфира,
Ожутанных дымом густым.

Они благоуханны, но молчаливы,
Эти экстазы не спорят и не кричат,
Им чужды бешенство и похотливость,
Они не устремляют на мир свой взгляд.

Они по незримой, ласкающей лестнице
Заставляют восходить твое «я»,
И тебе открывается мир чудесный,
Перед которым бледнеет мечта твоя.

И пусть говорят, что это безумие,
Что нельзя жизнь отдавать за миг,
Но мы знаем, что лгут разумные,
Что наш путь более велик.

* * *

Если юноша влюблен в фимиам,
В воду из пахучих черных роз,
Красит щеки и губы румянами,
Это не значит: «Он полон поз».

Это не значит, что роль Ганимеда
Он намерен скоро избрать;
Взоры уводит за собою следом
Женственной походкой и покачиваньем бедра.

Может быть, в крови он носит
Частицы древних умерших рас,
И запах пудры его уносит
В страны, где жатвы собирают не раз.

А синеватые переливы фимиама
(В нас они вызывают воспоминание о воздухе куполов)
Ему нашептывают о старинных храмах,
Где какой-то предок молил богов.

И теперь в тоскливый вечер,
Он нарумяненный бродит один,
И в обыкновенной наружной трещине
Видит трещину в своей груди.

РОССИЯ

Полуженщина и полумужчина,
Полуребенок и полубог,
Ты пройдешь над землею в овчине,
Как неведомый, незнаемый Бог.

Над Тобою будут смеяться,
И в Тебя будут плевать,
Но начнут звезды шататься
И из гнезд выпадать.

И однажды, в ночь глухую,
Под лепеты, трепеты звезд,
Все люди по Тебе затоскуют
И скажут: «Пришел Христос».

Но они ошибутся, конечно,
Ты не великий и светлый Бог,
И мы снова в тоске бесконечной
Будем валяться у чьих-то ног.